

Китайский театр.

(Мюзик-Холл).

27 мая 1928

Еще за закрытым занавесом слышатся сухой треск и лязг небольшого китайского оркестра, состоящего из трещеток, барабана, медной пластинки и ведущей одноголосную пентатонную мелодию двухструнной скрипки. Эти звуки почти без перерыва сопровождают весь спектакль. Сцена обставлена очень скупо: цветистый узорный задник, легкие фонарики, несколько стульев и столы — и только. Медлительно один за другим входят в необычайно пышных многокрасочных халатах, в ярко характеризующем их гриме действующие лица; в их движениях, в симметричной мизансцене, в неторопливой торжественности чувствуется пафос на обрядовое действо. Начинается неторопливый диалог, сменяясь речитативно-певучими монологами, естественно и непринужденно переходящими в пение, слышатся постоянно своеобразные короткие переклички певца с оркестром. Действие постепенно оживает: появляются военачальники (если они помахивают хлыстом и покачиваются, это значит — они верхово), лениво входят задумчивые, тихо и высоко декламирующие герои (их играют тоже мужчины), быстро проносятся по сцене войска. С эпических повествований положение развевается борьба, идет осада города (город изображается воротами, которые держат неизменно работающие по уборке вещей, а изредка и говорящие сценические слуги — «кули»). Наконец, разражается битва. В этом кульминационном моменте китайские актеры показывают чудеса акробатики, эквилибристики, жонглирования острыми вещами. Темперамент игры, чтение батальных вихревых сцен достигает невероятного напряжения. На сцене вспыхивают огни; слышен треск стрельбы, реальные, сильные крики, головокружительно прыжки. Китайцы-слушатели в театре в эти моменты бурно выражают свои восторги криками «хао». Увлечен и напуган «глухой» к китайской речи зритель, увлечен небывалой, блестящей игрой-зрелищем, мастерством и темпераментом многогранного китайского актера.

Китайский театр, который показали мо-

сквичам гастролеры Лю-Вун-Хай, Кай-Шан-Бин, Джон-Вай-Чуй и другие актеры, это — сложное, органически цельное зрелище, это — искусство подлинно театральное, не стесненное ни схемой драмы, ни психологизмом, ни моралью (отсюда у актеров почти нет мимики переживания, ни улыбок, ни слез; очень редок смех). Синтез ритма музыки и движений, слова и пения, игры и акробатики, условно символического и реального, выразительного и изобразительного так ограничен, и естественно, что ему может позавидовать любая европейская музыкальная драма, да и драматический театр. То, что мы видели в исполнении «Китайского национального театра», говорит прежде всего о высоко развитой культуре китайского театра актера, о гегемонии актера на китайской сцене. Китайский актер — совершенный и разносторонний мастер: он показывает изображаемое им лицо и своеобразие определенных интонаций, и даже tessitura (высотой) голоса, и походкой, и всей системой ярко определенных движений; но в эти, веками созданные трафареты различных амплуа актер вкладывает много горячего увлечения игрой, часто буйного темперамента.

Китайский театр — пока еще театр феодальный, придворный; но мелькают уже на сцене красные флаги; на ряду с запутанными дворцовыми авантюрами сюжетами появляются и темы о крестьянском движении. Стало быть, китайский театр не застыл; он отражает и передовое; ему знаком пафос революции.

Научение техники игры и мастерства приемов китайских актеров, выразительной символики вещей на сцене, системы музыкальных интонаций, движений, гримма, использование ритмизующей музыки можно бы обогатить практику нашей новой клубной сцены, которая должна быть такой же, как и китайская: экономичной, портативной, ярко театральной, динамичной, сильно действующей и прежде всего базирующейся на живой силе творческого актера.

СЕРГЕЙ БУГОСЛАВСКИЙ.